

ОБМАНУТЫЙ ЗАЩИТНИК В ФОЛЬКЛОРЕ ОСЕТИН И РЕЛИГИОЗНЫХ ЛЕГЕНДАХ ПАМИРА

К.Ю. Рахно

Статья посвящена одной из осетинско-памирских фольклорных параллелей. В осетинской легенде рассказывается, как некогда бог Тыхост в ответ на призывный клич верхом на коне являлся на помощь людям. Но, будучи вызванным из праздного любопытства, он прогневался и отказался лично помочь попавшим в беду. Аналогичная история произошла с нартом Сосланом, которого вызвали по ложному сигналу тревоги. Она выступала мотивацией его культа у дигорцев. Помимо Поволжья, аналогичные предания о герое, готовом прийти на выручку людям, были известны на Памире. В частности, у шугнанцев они были связаны с пятым шиитским имамом – Мухаммадом ибн Али аль-Бакиром. Согласно легенде, он тоже пообещал являться по первому зову, если людям будет угрожать бедствие. Но засомневавшиеся верующие вызвали его, чтобы убедиться, что он сдержит свое слово. Имам явился вооруженным до зубов всадником, и, обнаружив, что его потревожили зря, отказался больше приходить на помощь и проклял жителей долины, пожелав ей то пустовать, то наполняться людьми. Как и Тыхосту, Сослану и богатырям чувашей и марийцев, имаму Бакиру совершалось умиловительное религиозное поклонение.

В статье на основе привлечения иранских параллелей анализируются попытки ряда ученых вскрыть историческую подоплеку легенды о склепе Сослана. Важное значение отводится пониманию связанной с этим логики обрядовой практики. Также ставится под сомнение гипотеза о происхождении поклонения Сослану из почитания христианского пророка Иоанна Крестителя.

Ключевые слова: нартовский эпос, легенды, осетины, шугнанцы, Памир, Тыхост, Сослан, имам Бакир.

История об обманутом сверхъестественном защитнике, который разгневался потому, что его ложно вызвали из любопытства, бытовала у осетин как в нартовском эпосе, так и в легендах. Согласно одной из них, бог Тыхост раньше выезжал в виде всадника на призыв тревоги – «фæдис», когда слышал его. Но однажды, в Каздоне, недалеко от Унала, два мальчика пасли стадо овец. Один мальчик спросил другого, правду ли говорят, что Тыхост выезжает на призыв. Другой ответил, что, разумеется, правду, и удивился, что тот этого ещё не знает. Первый мальчик заявил, что хочет посмотреть на Тыхоста. «Ты не можешь видеть его, – отвечал другой,

– он к тебе не покажется». Первый сказал, что хочет видеть Тыхоста во что бы то ни стало. Второй спросил, как он это сделает, ведь это невозможно. «Как невозможно? Ведь говорят же, что он выезжает на фæдис, – вот я и закричу: «Фæдис!», а он, если только правду говорят, и прискачет к нам». Он так и сделал, заорав во всё горло: «Фæдис!» три раза. Прошло немного времени, и к ним прискакал всадник, с полуобритой головой, весь одетый в белые одежды, сидевший на сером коне. «Куда, мальчик, просят на помощь?» – обратился он с вопросом к крикнувшему пастушку. Мальчик, улыбнувшись, ответил, что куда угодно, ему просто хотелось увидеть бога, поэтому он и закричал призыв. «А! А! Так это я служу уж предметом смеха?! – молвил Тыхост. – С этого времени мне больше уже не выезжать, а ты с своим стадом окаменей!». С тех пор Тыхоста уже не было видно, он не стал больше выезжать на призыв. Мальчик же со своим стадом окаменел, и в Каздоне с тех пор показывали его и его окаменевшее стадо. Жилище Тыхоста также окаменело. Говорили, что на том месте видно, словно в скале стоит каменный дом. Даже косяки дверей его были совершенно ясно видны [1, 18-19], [2, 257-258].

В рамках нартовского эпоса этот мотив связывался с солярным витезем Сосланом. Согласно дигорскому сказанию из Махческа, когда Колесо Ойнона отрезало Сослану колени, то нарты приготовили для него хорошую могилу, и Сослан живым вошел в нее. Сослан обладал даром мольбы и выпросил у Бога, чтобы он имел право выходить на каждый призыв тревоги. И когда раздавалась тревога, то он выскакивал из своей могилы и таким образом помогал нартам даже из царства мертвых. Но однажды нартовский свинопас проходил мимо могилы Сослана и поднял тревогу: «Эй, Сослан, скотину нашу угоняют!» Сослан снова выскочил, посмотрел по сторонам и обратился к свинопасу: «В какую сторону тревога?» А тот ответил: «Тревоги нет, но я тебя никогда не видел и потому закричал, надеясь, что увижу тебя». Как это могло не быть неприятным ему, и Сослан выпросил у бога, чтобы ему нельзя было больше возвращаться (выходить) из царства мертвых [3, 18]. По иронскому сказанию из селения Мизур, нарт Сослан, хотя и умер, но, заслышав тревогу, даже в Стране мертвых не мог усидеть. Если в Нарте случалась тревога, Сослан выскакивал из склепа, спрашивал, что за тревога, и из Страны мертвых помогал нартам. Как-то раз пастушок гнал телят мимо кладбища, и ему захотелось увидеть нарта Сослана. Возле склепа Сослана он закричал: «Тревога!». Сослан выскочил из склепа и спросил: «Что за тревога?». Пастушок ответил, что просто хотел его увидеть, вот и закричал, а тревоги никакой нет. Тогда Сослан сказал: «Йе уауу-ай, даже пастушата стали надо мной глумиться». С того дня он больше не показывался [4, 172-173]. В другом дигорском варианте рассказывается, что стоило жителям селения Нар крикнуть: «Фæдес, Сослан!», как Сослан приходил им на помощь. Но однажды молодая невестка, родом из других мест, услышала о Сослане и, будучи очень любопытной, захотела его

увидеть. Она подошла к его склепу и крикнула: «Фæдес, Сослан!» Вышел Сослан, увидел молодую женщину и спросил: «С какой стороны тревога?» Та ответила: «Нет тревоги. Я хотела увидеть тебя, Сослан, и поэтому крикнула». Сослан обиделся на девушку и с тех пор перестал выходить на клич «Фæдес!» [5, 24].

Ж. Дюмезиль просто отметил тождественность мотивов эпического сказания и легенды [6, 84]. Т.А. Хамицаева вполне справедливо рассматривала его как этиологическую легенду, объясняющую дигорский обычай устраивать пиршество-кувд у склепа Сослана, чтобы добиться его помощи [5, 24]. Как можно будет видеть далее, ее наблюдение было верным. Т.А. Гурьев ограничился констатацией того факта, что погребение в склепе отражает некую историческую основу фольклорного образа, при этом гибель Сослана в эпосе не является окончательной, и осетины верили в продолжение его жизни после смерти [7, 64-66]. Он пробовал связать это сказание с западноевропейскими легендами о несвоевременно разбуженном спящем императоре [8, 78-79], но в них отсутствуют мотивы появления по первому зову и крепкой обиды, а иногда и мести злоупотребившим вызовом. Ю.А. Дзиццойты [9, 157] указал также на эпизод в осетинской сказке о бедняке и Барастуре загробного мира, когда на помощь герою из кургана выходит мертвец с оружием, верхом на коне, с которым его герой похоронил, найдя на дороге [10, 513-514]. Между тем, прямые параллели мотиву обманутого защитника прослеживаются на Поволжье, в чувашских и марийских легендах, где есть и похороненный богатырь, выезжающий в доспехах на коне из горы в ответ на призыв, и любопытные дети или маловерные взрослые, решившиеся вызвать его всуе, и возникший вследствие его обиды обычай приносить богатырю жертвы [11, 65-67].

Еще больший интерес представляет факт, что такой мотив известен у ираноязычных народов, в частности, совершенно аналогичная легенда записана на Памире о пятом шиитском имаме – Мухаммаде ибн Али аль-Бакире (676-732), который всю свою жизнь провел в Медине и занимался изучением и разработкой шиитского религиозного права и догматики. Неподалеку от расположенного в верховьях реки Гунт селения Имом находится высокая гора, которую местные жители называют Ломиён. Издали гора привлекает к себе внимание необычной расцветкой, связанной с образовавшимися ее горными породами. По словам местных жителей, с горы стекают семь ручьев, которые на определенном расстоянии от их истоков исчезают, потому что уходят в землю. И эти ручьи, скрытые от глаз, где-то на своем пути сливаются друг с другом, образуя единое русло, питающее родник у подножья горы. Гора связана с именем имама Мухаммада аль-Бакира, который, как следует из местных легенд, скрывался от своих врагов на вершине этой горы. Весной и летом ручьи несут с горы в долину разноцветные камушки, которые используются в лечебных целях (их прикладывают к больным местам). В случае возникновения каких-либо трудных

жизненных ситуаций люди, обращаясь к горе, возносят молитвы [12, 102-103], [13, 142-143].

На Гунте была гробница-мазар, посвященная ему, но тела имама в ней, естественно, не было. По этому поводу сохранилась легенда, записанная графом Алексеем Бобринским. Имам приехал сюда из Хорасана на белом верблюде и поселился на том месте, где теперь мазар. Прожив некоторое время, имам однажды решил, что пора ему покинуть жизнь. Предупредил жителей долины о своем намерении и при этом сказал, что в случае, если их постигнет какое бы то ни было бедствие: война, мор, голод, он всегда вернется к ним на помощь; для этого они должны будут прийти сюда, зарезать перед пещерой барана и потом кричать как азанчи, то есть муэдзин: «На этот клич я выйду к вам». Сказав это, имам удалился в пещеру, которая за ним замкнулась. Через некоторое время недоверчивые жители долины решили проверить слова имама. Совершили все по его словам. Имам появился из пещеры, сидя на лошади, и спросил народ, что им нужно. Смущенные жители объяснили причину вызова. Имам разгневался и сказал: «В наказание за ваше неверие, пусть долина по временам будет Гун (по-персидски ган – ‘куча’, ‘собранный’), а по временам паришон (‘рассеянный’)». Долина Гунта сильно страдала от набегов киргизов, шугнанцев и жителей долины Шахдары, что заставляло жителей покидать свою долину, некогда густонаселенную. В начале XX века долина начала постепенно вновь заселяться [14, 8].

В другой работе Бобринский сообщал, что почитаемый мазар с мечетью находится на Гунте, на левом берегу у урочища Сардим. Сооружен он в память имама Мухаммеда Богира. Имам не похоронен в нем, но сохранилась легенда, что здесь он скрылся в пещере, которая замкнулась за ним. Приехал же он сюда из Хорасана со слугой, который после исчезновения хозяина остался при пещере, умер и похоронен здесь. Белого же верблюда, на котором имам приехал из Хорасана, отдал жителям, чтобы те его съели. В здании показывали два круглых камня в виде арбуза или дыни, у входа на площадке – камень, изображающий часть исполинской ноги верблюда, и камень с очертаниями человеческой головы [15, 115-116].

В архиве ираниста Ивана Зарубина хранится рукопись написанного на фарси сочинения начала XX века «Сказание о мазарах Кухистана» (Хикайат-и мазарха-йи Кухистан). В этом сочинении приводится, в числе прочих, легенда, связанная с упомянутой выше горой и Мухаммадом аль-Бакиром: «Сперва был один вали, которого называли Имам, он с детских лет обосновался в Кухистане и путешествовал по разным областям и районам Кухистана. Спустя некоторое время люди узнали о его деяниях. Часть из них хотела, чтобы он стал правителем Кухистана, другие пребывали в сомнении [в отношении этого]. Так, по словам местных жителей, он путешествовал три года и, наконец, прибыл в пределы Гунта и обосновался в местечке Сардем. Его называли счастливым именем Имам Мухаммад Бакир, и он иногда пребывал в сокрытии, а иногда нет. По этой причине

[некоторые люди] не верили, что он и есть Имам Времени. Всему тому, что говорил Хазрат-и Имам, часть людей верила, а часть пребывала в сомнении, так в течение некоторого времени он и пребывал в Сардеме. И в этом местечке находилась одна пещера, а неподалеку от пещеры был родник, и [однажды] он сказал людям: «Я уйду в пещеру, всякий раз, когда кто-либо будет причинять вам зло, пусть один человек подойдет к пещере и громко крикнет, в тот же миг я явлюсь к вам и избавлю вас от беды». Сообразно сказанному, он скрылся в пещере, а люди так и остались разногласить [относительно вали], и те из их числа, кто не верил Хазрат-и Иمامу, меж собой вели такие речи: разумеется, он солгал нам, мы его испытаем. Словом, одному человеку повелели отправиться к пещере и поднять крик. Те же из людей, которые верили Хазрат-и Иمامу, сколько ни возражали против этого, неверующие так и не согласились. Вызвали человека, он отправился к пещере и громко прокричал, и около часа затем люди наблюдали [за пещерой], пока неожиданно из пещеры не появился всадник в зеленых одеждах. Он был при полном вооружении: меч, палица, копье – все, что в битве может пригодиться; все увидели и его лошадь. Он поспешил в пустыню, и направлял своего коня во все стороны света, и всматривался, однако никого, кроме людей, которые были с ним, не обнаружил. Хазрат тотчас понял: «Люди мне не поверили и меня испытывали». С тем вернулся он, подошел к входу в пещеру и сказал людям: «Иногда [вы будете] вместе, иногда порознь, т.е. постоянно в покое пребывать не будете. Иногда в покое, иногда нет». Сказав эти слова, он вошел в пещеру и исчез. После этого люди поверили, что живой и сущий имам и был тот самый человек, впрочем, проку в том уже не было, дело было упущено. После этого на том месте построили здание, устроили зийаратгах и стали там приносить жертвоприношения, а тех, кто проживал поблизости от этого места, стали называть шейхами мазара, и часть пищи, которую готовили в качестве жертвоприношения, отдавали шейхам. Когда же случалось, что готовили быка или барана или же приносили деньги или иное какое имущество, то все это шейхи также делили меж собой. Таков обычай Хазрат-и Имам Мухаммад Бакир, а обязанность шейха состоит в том, чтобы прибираться на мазаре. Если какая стена здания разрушится, то ее шейх возводит заново, он постоянно находится при мазаре» [12, 104-105].

Легенда сохранилась среди жителей Бадахшана до наших дней. Согласно ей, имам Бакир приехал в Бадахшан на белом верблюде, и, когда он решил войти в пещеру, люди его умоляли не оставлять их без покровителя. Имам дал обещание, что не оставит их в беде, и, когда придет к ним несчастье, он выйдет из пещеры. Однако, спустя некоторое время после того, как имам Бакир зашел в пещеру, часть жителей захотела проверить и удостовериться в данном имамом обещании. Поэтому люди пошли к пещере и вызвали имама, чтобы тот вышел оттуда. Через некоторое время имам Бакир появился перед ними на белом коне и спросил, что же прои-

зошло в их краях. Все молчали, так как везде царило спокойствие. Имам Бакир догадался, что его испытали, и перед тем, как вернуться обратно в пещеру, сказал: «Гахе Гунд, гахе парешон» ('То вместе, то врозь'). Рассказывали, что потомки тех, кто подвергал испытанию имама Бакира, поныне живут в некоторых селениях долины Гунта, и люди называют их род «Гундачен», что в переводе с шугнанского означает 'Гунтские' [16, 221-222]. По другим данным, имам прибыл из Хорасана на коне, а скрылся в пещеру сквозь огромный диск, сотканный пауком, не повредив при этом структуру паутины, и вышел в долине Шахдары там, где находится остон Шо Бур(х) он [13, 142-143].

Следует заметить, что мазары были в народном исламе Центральной Азии местом коллективных молитв, здесь совершали разнообразные обряды, устраивали празднества. От похороненных выдающихся людей люди стремились получить помощь, благодатную силу и благополучие. К ним совершалось паломничество (зийёрат) с жертвоприношением в виде коллективной трапезы и молитвой. Домусульманские элементы в поклонении и почитании мазаров еще вполне различимы, и прежде всего, прослеживается их преемственность с древними культовыми местами [17; 11, 90-91, 124], [18; 180-202, 222-223]. В легендах, окружающих их, порой фигурируют мотивы, общие с осетинским нартовским эпосом [19; 91, 94-95], [20, 170-171, 180-182]. Поэтому надежда Т.А. Гуриева, что захоронение эпического Сослана в склепе может иметь под собой какую-либо реальную историческую подоплеку, выглядит преждевременной. Точно так же поклоняются местам погребения и других героев подобных легенд, не нуждающихся в историзации. Наличие такой легенды и культа на Памире, куда не достигало влияние христианства, заставляет отвергнуть и гипотезу Т.К. Салбиева о происхождении поклонения Сослану из почитания христианского пророка Иоанна Крестителя [21, 116-120]. Как и на Поволжье, здесь тоже есть священная гора, связанная с героем легенды, которому нанесли обиду и который отреагировал лютым проклятием. Повествование сосредотачивается вовсе не на его моральных качествах или проявлениях милосердия. Подобно воинственному Тыхосту и похороненным осетинскому, чувашскому и марийским богатырям, мирный в реальности мусульманский наставник выезжает верхом на коне во всеоружии, дабы сразиться с предполагаемыми врагами. Будучи оскорблен, он в наказание изрекает мрачное пророчество. Как и в Осетии и на Поволжье, здесь легенда служит обоснованием необходимости приносить умиловительную жертву прогневившемуся святому покровителю, что лишней раз указывает на древнеиранские истоки дигорского солярного культа нарта Сослана как полубога.

Памирско-осетинские и таджикско-осетинские фольклорные и этнографические параллели, которым в недавнее время сознательно не уделяли внимание, чтобы не поколебать надуманную гипотезу о кавказском

субстрате осетин, проливают свет на генезис многих образов и мотивов осетинского фольклора. В частности, осетинской эпической расе царциатов соответствуют не только погибшая древняя раса чудь из мифологии северных русских, коми и вепсов [22, 31-32], но, видимо, и муги из преданий таджиков Ферганской долины, якобы жившие там в древности, поклонявшиеся огню, много охотившиеся и вымершие от голода. Им приписывали курганы и небольшие наземные каменные усыпальницы, так называемые курумы или муг-хона 'дома мугов'. Считалось, что муги были люди дикие, но не злобные, удивительно сильные и очень трудолюбивые, они не могли жить без труда. Бытовала даже поговорка: «Работает, как муг» [23, 227-228], [24, 145-146], [25, 167]. Предания о мугах нуждаются в дальнейшем изучении, особенно по отношению к царциатскому эпосу осетин. То же самое можно сказать и о легендах Узбекистана, Таджикистана, Памира, Афганистана, Синьцзяна и Ирана, связанных с культурами святых, в которых могут обнаружиться древние мотивы, общие с нартовским и даредзановскими эпосами осетин.

1. Шанаев Дж. Осетинские народные сказания // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 2-40.

2. Миллер Вс. Осетинские этюды. В 3 ч. Ч. 2. (Исследования) // Ученые записки императорского Московского университета. Отдел историко-филологический. М., 1882. Вып. 2. 301 с.

3. Памятники народного творчества осетин. Дигорское народное творчество в записи М. Гарданты. Владикавказ, 1927. Вып. 2. 355 с.

4. Нарты. Осетинский героический эпос / Сост. Т.А. Хамицаева и А.Х. Бязыров. М.: Наука, 1989. Кн. 2. 494 с.

5. Хамицаева Т.А. Вверх по Ирафу. Орджоникидзе, 1971. 68 с.

6. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990. 230 с.

7. Гуриев Т.А. Наследие скифов и алан (Очерки о словах и именах). Владикавказ: Ир, 1991. 173 с.

8. Гуриев Т.А. Сборник избранных статей / Сост. З.Б. Джерапова. Владикавказ: СОГУ, 2010. 295 с.

9. Дзиццойты Ю.А. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал, 2003. 223 с.

10. Осетинские народные сказки / Сост. Г.А. Дзагуров. М., 1973. 598 с.

11. Рахно К.Ю. Обманутый защитник в нартовском эпосе осетин и богатырских легендах народов Поволжья // Коста Хетагуров в контексте культуры России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 160-летию со дня рождения Коста Левановича Хетагурова (Владикавказ, 17-18 мая 2019 г.). Владикавказ, 2019. С. 63-70.

12. *Васильцов К.С.* За строкою А.А. Бобринского: священные горы и священные камни на Памире // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013. С. 101-115.

13. *Рахимов Р. Р.* 'Али, алиды и их объекты культа в Центральной Азии (К трактовке феноменов Али в таджикско-суннитской и таджикско-исмаилитской среде) // Иран-наме: Научный востоковедческий журнал. 2012. №2 (22). С. 109-152.

14. *Бобринский А.А.* Секта Исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии: Географическое распространение и организация. М., 1902. 18 с.

15. *Бобринский А.А.* Горцы верховьев Пянджа: ваханцы и ишкашимцы. Очерки быта по путевым заметкам. М., 1908. 150 с.

16. *Фолклори Помир.* Чилди 2. Асотир, ривоят ва нақлҳо. Мураттиб, муаллифи муқаддима ва тавзеҳот Нисормамад Шакармамадов. Душанбе, 2005. 205 с. (на тадж. яз.)

17. *Басилов В.Н.* Культ святых в исламе. М.: Мысль, 1970. 144 с.

18. *Чвырь Л.А.* Обряды и верования уйгуров в XIX-XX вв. Очерки народного ислама в Туркестане. М., 2006. 286 с.

19. *Кнорозов Ю.В.* Мазар Шамун-наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса) // Советская этнография. 1949. № 2. С. 86-97.

20. *Снесарев Г.П.* Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М.: Наука, 1983. 212 с.

21. *Салбиев Т.К.* О культе нарта Сослана в горной Дигории // Устойчивое развитие горных территорий. 2014. № 2 (20). С. 115-120.

22. *Рахно К.Ю.* Оружие из метеоритного железа в царциатском эпосе осетин // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2019. Вып. 21. С. 31-38.

23. *Литвинский Б.А.* Курумы // Археологи рассказывают. Сталинабад, 1959. С. 125-137.

24. *Литвинский Б.А.* Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии). М.: Наука, 1972. 258 с.

25. *Чвырь Л.А.* Об исторических преданиях аштских таджиков // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье: история и культура. М.: Наука, 1981. С. 163-176.

Rakhno, Konstantin Yu. – National Museum-Reserve of Ukrainian Pottery in Oposhnoye (Oposhnoye, Ukraine); krakhno@ukr.net

DECEIVED DEFENDER IN THE FOLKLORE OF THE OSSETIANS AND IN PAMIR RELIGIOUS LEGENDS

Keywords: *Nart epic, legends, Ossetians, Shugnans, Pamir, Tykhost, Soslan, Imam Bakir.*

The article is devoted to one Ossetian-Pamir folklore parallel. The Ossetian legend tells how once the god Tykhost, in response to the invocation cry on horseback hastened to help people. But, being summoned out of idle curiosity, he became angry and refused to personally help those in need. A similar story happened with the Nart Soslan, who was called on a false alarm. That was the motivation for his cult among the Digorians. In addition to the Volga region, similar legends about a hero ready to come to the rescue of people were known in the Pamirs. In particular, among the Shugnans they were associated with the fifth Shiite imam - Muhammad ibn Ali al-Bakir. According to the legend, he also promised to appear at the first call to help people in emergency situation. But the doubting believers called him to make sure that he would keep his word. The Imam appeared to be a rider armed to the teeth, but got infuriated, finding that he had been disturbed in vain, refused to come to the rescue next time and cursed the inhabitants of the valley, wishing the land to get depopulated and then again populated. Like Tykhost, Soslan, and the heroes of the Chuvash and Mari, imam Bakir performed propitious religious worship.

Considering Iranian parallels, the article analyzes the attempts of a number of scientists to unveil the historical background of the legend of Soslan's crypt. Importance is given to understanding the logic of ritual practice associated with this. The hypothesis about the origin of worship of Soslan from the veneration of the Christian prophet John the Baptist is also argued.

REFERENCES

1. Shanaev, Dzh. *Osetinskie narodnye skazaniya* [Ossetian folk tales]. *Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah* [Collection of information about the Caucasian highlanders]. Tiflis, 1870, iss 3, pp. 2–40.
2. Miller, Vsev. *Osetinskie etyudy. CHast' vtoraya. Issledovaniya* [Ossetian studies]. *Uchenye zapiski imperatorskogo Moskovskogo universiteta. Otdel istoriko-filologicheskij* [Scientific notes of the Imperial Moscow University. Department of History and Philology]. Moscow, 1882, iss. 2. 301 p.
3. *Pamyatniki narodnogo tvorchestva osetin. Digorskoe narodnoe tvorchestvo v zapisi M. Gardanti* [Monuments of folk art of Ossetians. Digorian folk art in the recording of M. Gardanti]. Vladikavkaz, 1927, iss. 2. 355 p.
4. *Narty. Osetinskij geroicheskij epos* [Narts. Ossetian heroic epic]. Compiled T.A. Hamitcaeva, A. H. Byazyrov. Moscow, 1989, vol. 2. 496 p.
5. Hamitcaeva, T.A. *Vverh po Irafu* [Up the Iraf-river]. Ordzhonikidze, 1971. 73 p.
6. Dyumezil', ZH. *Skify i narty* [Scythians and Narts]. Moscow, 1990. 230 p.
7. Guriev, T.A. *Nasledie skifov i alan (Ocherki o slovah i imenah)* [The legacy of the Scythians and Alans (Essays on words and names)]. Vladikavkaz, 1991. 173 p.
8. Guriev, T.A. *Sbornik izbrannyh statej* [Collection of selected articles]. Vladikavkaz, 2010. 295 p.

9. Dzigcojty, YU.A. *Nartovskij epos i Amiraniani* [Nartovsky epic and Amiraniani]. Tskhinval, 2003. 223 p.

10. *Osetinskie narodnye skazki* [Ossetian folk tales]. Collected by G.A. Dzagurov. Moscow, 1973. 601 p.

11. Rahno, K.YU. *Obmanutyj zashchitnik v nartovskom epose osetin i bogatyrskih legendah narodov Povolzh'ya* [Deceived defender in the Nart epic of Ossetians and heroic legends of the Volga peoples]. *Kosta Hetagurov v kontekste kul'tury Rossii: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 160-letiyu so dnya rozhdeniya Kosta Levanovicha Hetagurova (Vladikavkaz, 17–18 maya 2019 g.)* [Kosta Khetagurov in the context of Russian culture: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation dedicated to the 160th birthday of Kosta Khetagurov (Vladikavkaz, May 17–18, 2019)]. Vladikavkaz, 2019, pp. 63–70.

12. Vasil'cov, K.S. *Za strokoyu A.A. Bobrinskogo: svyashchennye gory i svyashchennye kamni na Pamire* [For the line A. A. Bobrinsky: the sacred mountains and sacred stones in the Pamirs]. *Radlovskij sbornik: Nauchnye issledovaniya i muzejnye proekty MAE RAN v 2012 g.* [Radlovsky collection: Research and museum projects Museum of Anthropology and Ethnography RAS in 2012]. St. Petersburg, 2013, pp. 101–115.

13. Rahimov, R.R. *'Ali, alidy i ih ob»ekty kul'ta v Central'noj Azii (K traktovke fenomenov Ali v tadzhiksko-sunnitskoj i tadzhiksko-ismailitskoj srede)* ['Ali, Alides and their objects of worship in Central Asia (Towards the interpretation of Ali phenomena in the Tajik-Sunni and Tajik-Isma'ili environments)]. *Iran-name: Nauchnyj vostokovedcheskij zhurnal* [Iran-name: Oriental Scientific Journal]. 2012, iss. 2 (22), pp. 109–152.

14. Bobrinskij, A.A. *Sekta Ismail'ya v russkih i buharskih predelah Srednej Azii: Geograficheskoe rasprostranenie i organizaciya* [Ismailia sect in the Russian and Bukhara limits of Central Asia: Geographical distribution and organization]. Moscow, 1902. 18 p.

15. Bobrinskij, A.A. *Gorcy verhov'ev Pyandzha (vahancy i ishkashimcy). Ocherki byta po putevym zametkam* [Highlanders of the upper Pyanj (Vakhans and Ishkashim people). Essays on travel notes]. Moscow, 1908. 150 p.

16. Folklori Pomir. *Çildi 2. Asotir, rivoyat va naqlxo. Murattib, muallifi muqaddima va tavzeçot Nisormamad SHakarmamadov* [Pamir Folklore. Volume 2. Myths, legends and stories. Compiled, preface and commentary by Nisormamad Shakarmamadov]. Dushanbe, 2005. 205 p. (In the Tajik language)

17. Basilov, V. N. *Kul't svyatyh v islame* [Cult of saints in Islam]. Moscow, 1970. 144 p.

18. CHvyr', L.A. *Obryady i verovaniya ujugurov v XIX-XX vv. Ocherki narodnogo islama v Turkestane* [Rites and beliefs of the Uyghurs in the XIX-XX centuries. Essays on Popular Islam in Turkestan]. Moscow, 2006. 286 p.

19. Knorozov, YU.V. *Mazar SHamun-nabi (Nekotorye perezhitki*

domusul'manskih verovanij u narodov Horezmskogo oazisa) [Mazar Shamunabi (Some remnants of pre-Islamic beliefs among the peoples of the Khorezm oasis)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography].1949, iss. 2. pp. 86–97.

20. Snesev, G.P. *Horezmskie legendy kak istochnik po istorii religioznych kul'tov Srednej Azii* [Khorezm legends as a source on the history of religious cults of Central Asia]. Moscow, 1983.212 p.

21. Salbiev, T. K. *O kul'te narta Soslana v gornoj Digorii* [On the cult of the Nart Soslan in the mountainous Digoria]. *Ustojchivoe razvitie gornyh territorij* [Sustainable mountain development].2014, iss. 2 (20), pp. 115–120.

22. Rahno, K. YU. *Oruzhie iz meteoritnogo zheleza v carciatskom epose osetin* [Weapon of meteorite iron in the Tsartsiatian epos of Ossetians].*Izvestiya SOIGSI. SHkola molodyh uchenyh* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies.School of young scientists].2019, iss. 21, pp. 31–38.

23. Litvinskij, B. A. *Kurumy* [Kurums]. *Arheologi rasskazyvayut* [Archaeologists narrate]. Stalinabad, 1959, pp. 125–137.

24. Litvinskij, B.A. *Kurgany i kurumy Zapadnoj Fergany (Raskopki. Pogrebal'nyj obryad v svete etnografii)* [Mounds and Kurums of Western Ferghana (Excavations.Funeral rite in the light of ethnography)].Moscow, 1972.258 p.

25. CHvyr', L.A. *Ob istoricheskikh predaniyah ashtskih tadzhikov* [On the historical traditions of Asht Tajiks]. *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e (istoriya i kul'tura)* [Caucasus and Central Asia in antiquity and the Middle Ages (history and culture)]. Moscow, 1981, pp. 163–176.